

перед Рождеством».⁴ По его мнению, «гоголевскому Михею, каретнику Собакевича в „Мертвых душах“ <...> соответствует кучер Михей в „Скверном анекдоте“...» (см.: 5, 6).⁵ Клеопатра Семеновна, по наблюдению М. С. Альтмана, относится к тем гоголевским наименованиям, в которых несоответствие между высокопарным античным именем и заурядным отчеством производит комический эффект.⁶

На наш взгляд, по-гоголевски звучит фамилия Пселдонимов. Она далеко не случайно образована от Псевдонимова. Характер этого забитого и на службе, и в быту героя оказывается гораздо более определенным, чем казалось на первый взгляд, твердым и даже мужественным перед «сильными мира сего». Так что Пселдонимов в какой-то мере вроде бы псевдоним.⁷

К этому же типу фамилий относится и Пралинский. Она образована от французского слова *praline* (миндаль, поджаренный в сахаре. — Наблюдение А. М. Ремизова). Пралинский вроде бы «сладкий» — мягкий, гуманный, либеральный, а внутри он «горький» — жесткий, совсем не гуманный и не либеральный. Гоголевскими являются в этом рассказе фамилии Млекопитаевы, Зубиков, как и вышеназванные, не только по чисто внешнему звучанию, но и по соответствию внутреннему миру их носителей.

Соотнесение «Скверного анекдота» с Гоголем имеет и более важный, более существенный аспект. Мир маленьких людей изображен в суровых красках. Маленький человек Пселдонимов изуродован силой внешних обстоятельств и зависимостью от «сильных мира сего». Но между ним и Башмачкиным из «Шинели» Гоголя есть и принципиальное различие. Он не безропотен, настроен враждебно к Пралинским, внутренне непокорен (см. об этом: 5, 353—354). И все же при этом гуманистическая позиция Достоевского питается гуманизмом гоголевской «Шинели», где симпатии писателя отданы миру Башмачкиных. В «Скверном анекдоте» безусловная близость Достоевского к Салтыкову-Щедрину в оценке эпохи реформ и либерального красновейства сочетается со следованием традициям Гоголя.

«Художественно-идеологическое построение рассказа и его наименование „Скверный анекдот“, — пишет комментатор его Е. И. Кийко, — удивительно точно выражают дух той эпохи русской жизни, которую Салтыков-Щедрин охарактеризовал как „эпоху конфуза“...» (5, 354). Тем знаменательнее и имеет глубокие причины, что «Скверный анекдот» даже по названию, а по существу значительно глубже, связан с Гоголем.

⁴ Там же, с. 149.

⁵ Там же, с. 147.

⁶ Там же, с. 153.

⁷ Наше истолкование фамилии Пселдонимов отсюда не отмечает предположения В. С. Нечаевой о ее происхождении из фельетона Д. Д. Мишаева во «Времени» (см.: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. М., 1972, с. 214).

В начале 1860-х гг., в пору создания «Скверного анекдота», Достоевский многократно обращался к Гоголю. Он размышляет о его значении для развития отечественной литературы в «Ряде статей о русской литературе» (1861. См.: 19, 12, 60. См. об этом выше на с. 3—21). Герои же «Мертвых душ» — Копейкин, Костанжогло, Чичиков, Коробочка — упомянуты в «Ряде статей...», в «Зимних заметках о летних впечатлениях» и в «Записках из подполья» (см.: 5, 58, 126 и 18, 60—62).

Т. И. ОРНАТСКАЯ

«КРОКОДИЛ». «ПОДРОСТОК»

(Дополнение к комментарию)

В статье М. П. Алексеева «Обо одном эпитафе у Достоевского» приведен обширный материал, касающийся источников фразы-восклицания о Ламбере: «Ohé, Lambert! Où est Lambert? As-tu vu Lambert?». Этот материал был извлечен ученым из «Дневника» Э. Гонкура, исследованной Р. Александра и Р. Ланжерона, у хроникера журнала «Revue des Deux Mondes» Э. Форкада. Подробно процитировав все, что касалось возможного происхождения эпитафа, М. П. Алексеев пришел к выводу, что Достоевский «мог прочесть этот возглас и толки о его происхождении в любой французской газете того времени». Но дело в том, что вся история с ходячим выражением, взятым Достоевским в качестве эпитафа к «Крокодилу», относится совершенно однозначно к августу 1864 г. А летом—осенью этого года у Достоевского, только что сгоревшего брата и пытавшегося ввести в рамки безнадежно запаздывавший журнал, буквально не было ни минуты времени для чтения каких-либо иностранных газет.² Это, разумеется, не относилось к русским газетам и журналам, постоянное чтение которых было не только обычной потребностью, но и вызывалось характером всей творческой работы Достоевского как писателя, «одержимого тоской по текущему», и к тому же журналиста, издающего собственный журнал. Поэтому более правдой представляется В. С. Нечаева, указавшая на присутствие восклицания о Ламбере в отредактированном Достоевским для «Эпохи» политическом обозрении А. А. Головачева. «Наличие сведений о парижской шутке в сентябрьском политическом обозрении „Эпохи“ позволяет предположить, — пишет исследовательница, — что, готовя

¹ См.: Проблемы теории и истории литературы. М., 1971, с. 371.

² Даже живя за границей, Достоевский обычно читал только русские газеты. Так, 14 (26) декабря 1869 г. он писал С. А. Ивановой из Дрездена: «В вечернюю прогулку захожу в Читальню, где получают русские газеты, и читаю „С.-Петербургские ведомости“, „Голос“ и „Московские ведомости“ (29, с. 89)».

к печати статью Головачева, Достоевский узнал о смешном лозунге, имевшем такой успех во Франции <...> Он не только использовал его в текущей работе над „Крокодилом“, но и ввел позднее в роман „Подросток“, дав имя Ламберта персонажу, олицетворяющему отвратительную для Достоевского безнравственную корыстно-мещанскую суть.³ По В. С. Нечаева не случайно обратила внимание на «некоторые варианты в воспроизведении (Достоевским. — Т. О.) парижской шутки по сравнению с текстом, приведенным Головачевым».⁴ Действительно, в обзоре Головачева «шутка» выглядит так: «Нé, Lambert! Oû est Lambert?». Не было ли в таком случае еще какого-либо источника? Оказывается, был. Достоевский, постоянно читавший «Голос» (об этом достаточно много прямых свидетельств), не мог пройти мимо двух фельетонов (анонимных), в первом из которых так говорилось о «последнем и блистательном цетке французского остроумия», проивившемся в день имени Наполеона III, 15 августа 1864 г.: «... везде, у дверей театров, так называемых хвостах, во время антрактов, среди толпы <...> раздавались неистовые крики: „Ohè, Lambert! Bonjour, Lambert! As-tu vu, Lambert?“⁵ <...> Начиная какой-нибудь *тиги* или гамен, толпа подхватывала и воздух оглашался безумнейшими и идиотскими криками „Ohè, Lambert! As tu vu Lambert?“». Безумные крики эти не переставали целый день; имя Ламбера сделалось популярным. На другой и следующий дни крики эти раздавались на улицах еще с большою силою, так что полиция заподозрила в этом какой-то революционный лозунг и серьезно обеспокоилась <...> Этот Ламбер — существо мифическое, легендарное и в действительности не существующее. Все его ищут и зовут, но никто его не видел и не знает». Далее в фельетоне приводилось несколько версий о происхождении «шутки», в частности о даме, потерявшей на одной из станций железной дороги своего мужа. «Напрасно, — продолжает фельетонист «Голоса», — обращалась она ко всем своим спутникам с вопросом „не видали ли вы Ламбера“ <...> Под конец сострадательные путешественники присоединили свой голос к голосу покинутой Ариадны и на каждой станции оглашали воздух неистовым криком: „Ау, Ламбер! Где Ламбер?“. Приехав в Париж, все прибывшие с этим поездом спешили рассказать этот эпизод — и вот почему на другой день в Париже не было снашения от „Ohè, Lambert! As-tu vu, Lambert?“».⁶

Во втором фельетоне подводился горестный итог августовским праздникам: «От всех праздников, иллюминаций, фейерверков, шуму, дыму в воспоминании парижан надолго оста-

³ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. М., 1975, с. 83.

⁴ Там же, с. 82.

⁵ В «Крокодиле» и «Подростке» слегка видоизменена только вторая часть восклицания. Остальное совпадает буквально.

⁶ Голос, 1864, 12 (24) авг., № 221.

нется знаменитое „Eh! Lambert!“, все еще раздающееся на парижских улицах и грозящее перейти в какую-то мопоманию. <...> Наконец, Ламбер сделался уже героем песенки, которая каждый вечер поется во всех *cafés chantants* Елисейских полей.⁷ <...> В Пале-Рояле репетируется уже водевиль, под заглавием „Eh! Lambert!“ Уверяют даже, что г. Понсар, автор „Лукреции“, написал трагедию под тем же заглавием для Французского театра».⁸

Через два дня после второго фельетона «Голоса» отдали дань парижскому происшествию и «Санктпетербургские ведомости». В фельетоне «Наполеонов день в Париже» корреспондент газеты Виктор Александров рассказывал: «... французы веселились, но что всего страннее, веселились явно не благодаря причине праздника, а более ради самого праздника. Об императоре не было и помину <...> чрезвычайно комический случай прославил в этот день другое имя — и это слишком характерно, чтоб о нем не рассказать. В семь часов после обеда я вышел на бульвар Монмартр и направился к Площади Согласия. Народу было множество и большинство шло в ту же сторону. Среди шума, крика и всеобщей суматохи я невольно обратил внимание на то, что особенно часто кричали — Ламбер! Ламбер!⁹ <...> Человек, не знающий Парижа, мог бы не поверить — но представьте себе, что благодаря этой истории *весь город* во всех кварталах кричал „Ламбер, Ламбер!“ Присочинили к нему и прибаутки в рифму!..»¹⁰

Подтверждением тому, что Достоевский воспользовался именно этими фельетонами, является сам характер применения восклицания в «Подростке»: «ужасный» гнев Ламберта, вызванный обращенным к нему воплем «Ohè, Lambert! oû est Lambert, as-tu vu, Lambert?» (13, 347), объясняется в первом фельетоне «Голоса» следующим образом: «Эта бессмысленная шутка превратилась даже в инструмент пытки и преследования».

В заключение отметим, что смысл эниграфа «Ohè, Lambert!..» вряд ли в «парадоксальном характере повествования о „необыкновенном событии“ в Пассаже» (5, 387). Думается, что правомерно предположить здесь глубокий проиический подтекст. Достоевский как бы предлагает провести параллель между распространявшейся во Франции «эпидемией идиотских возмасов»¹¹ и недалекими, с его точки зрения, от этого истинами, испускаемыми либеральным чиновником из чрева крокодила.

⁷ В «Голосе» приводится полный французский текст этой песенки, данной М. П. Алексеевым в русском переводе.

⁸ Голос, 1864, 21 авг. (2 септ.), № 230.

⁹ Далее следовал рассказ, якобы со слов встречного парикашника, о жещине, потерявшей в толпе своего мужа.

¹⁰ С.-Петербург. ведомости, 1864, 14 (26) авг., № 179.

¹¹ Слова из «Дневника» Э. Гонкура, в этой части не переводившегося на русский язык, — см. в названной выше статье М. П. Алексеева, с. 363.